

привлекъ къ нему множество новыхъ сообщниковъ, подалъ Пугачеву смѣлую мысль двинуться на Казань и даже призывалъ его въ столицу Россіи. Оказывается теперь несомнѣннымъ, что смѣлый и предпримчивый купецъ Иванъ Ивановичъ, мнимый посланный отъ раскольниковъ, Долгополовъ и Остафій Трифоновъ—одно и тоже лицо!

Вотъ что нашли мы о комиссіи Галахова и Остафія Трифонова въ печатныхъ источникахъ и о чмъ, между тѣмъ, такъ подробно и такъ интересно разсказываетъ Руничъ.

Независимо отъ подробностей, собственно до комиссіи относящихся, обращаемъ вниманіе читателей на сцену свиданія Пугачева съ П. И. Панинымъ. Эта сцена передана у Рунича гораздо проще и достовѣрнѣе, сравнительно съ извѣстнымъ разсказомъ Пушкина.

Руничъ вѣрнѣе передалъ подробности выдачи Пугачева, по крайней мѣрѣ собственное показаніе его сдѣланное на первомъ ему допросѣ, о томъ какъ онъ былъ выданъ сообщниками, совпадаетъ съ свидѣтельствомъ о томъ автора напечатанныхъ нами записокъ (Чтенія въ Моск. Об. Исторіи 1858 г. кн. II. отд. II. стр. 36).

Свидѣтельство Рунича о производствѣ допросовъ Пугачева „съ пристрастіемъ“—подтверждается докладомъ о допросахъ Пугачева 2—5 октября 1774 г. предъ П. С. Потемкинымъ: „...Сообразя обстоятельства похожденія злодѣя по всѣмъ свѣдѣніямъ, каковая секретная комиссія собрать могла, съ показаніемъ его, Пугачева, усмотрѣно, что злодѣй скрывалъ ядъ злости на сердцѣ; для того учинено было ему малое наказаніе; и по доводамъ тѣмъ..., убѣждаемъ былъ злодѣй, и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ.... „и пр. (Чтенія Москов. Общ. Исторіи, 1858 г. кн. II, допросы Пугачева, стр. 39).

Императрица Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину, отъ 20 ноября 1774 г. (Чтенія М. Общ. Ист., 1858 г., кн. II, стр. 54) обѣщаетъ „конечно уважить“ представленія Панина о наградѣ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ майора Рунича, котораго, пишетъ государыня: “вело опредѣлить въ армію“. Изъ этого же письма видно, что отъ Галахова принято 25 т. рублей,—остатокъ той суммы, которая была предоставлена въ распоряженіе комиссіи.... Ред.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Отъ декабря 1836 Года до июня 1844 Года.

ПЕРИОДЪ VIII*).

Отъ оставленія службы въ пѣвческой капеллѣ до первыхъ представлений оперы «Русалка и Людмила».

Зимою приѣхала матушка и остановилась у сестры; я по-

*) «Русская Старина» 1870 г. т. I, ст. 380—402; 474—494; 562—594; т. II, ст. 56—73 и 266—306.

томъ и самъ туда перѣхалъ. Е. К*. выздоровѣла и я написалъ для нея вальсъ на оркестръ B-dur. Потомъ, не знаю по какому поводу, романсь Пушкина: Я помню чудное мгновеніе. Въ февралѣ приѣзжала двоюродная сестра моя Софья Ивановна Нольде (та самая, съ которой я сдружился будучи еще въ пансионѣ). У нея были двѣ дочери и сынъ. Старшей, Евгенией Карловнѣ, было лѣтъ 14, у нея была интересная физіономія и она была уже тогда хорошая музыкантша; впослѣдствіи она вышла замужъ за П. П. Рындина.

Въ концѣ февраля я съ матушкой отправился въ деревню и приѣхалъ сперва къ сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, въ имѣніе мужа ея Логачево, отстоящее двѣ версты отъ Новоспасскаго. Тамъ я погрѣлся у печки въ угольной комнатѣ и потомъ уже поѣхалъ домой.

Все время пребыванія моего въ Новоспасскомъ, т.-е. отъ начала марта до конца апрѣля, я хворалъ *). Лишеніе сна, аппетита и нервное раздраженіе довели меня до столь сильнаго беспокойства, что я не рѣшалсяѣхать одинъ, а упросилъ К. Ф. Гемпеля сопутствовать мнѣ до Петербурга, куда мы прибыли благополучно въ началѣ мая. Мы съ Гемпелемъ поселились въ одной маленькой комнатѣ въ ревельскомъ подворьѣ, чтобъ въ Новомъ переулкѣ. Тутъ я узналъ, что и храпѣніе имѣть своихъ виртуозовъ: Гемпель, какъ уже прежде сказано, былъ хороший музыкантъ, но храпѣть былъ великий мастеръ. Ложась онъ начиналъ сапѣть, потомъ начиналъ потихоньку храпѣть подсвистывая, потомъ прищелкивалъ, и все crescendo, наконецъ раздавались жалобные стоны и концертъ оканчивался обыкновенно дикимъ и пронзительнымъ крикомъ, будившимъ самого виртуоза и меня. Онъ былъ тученъ и полнокровенъ и его душило по ночамъ.

Гемпель оставался не долго въ Петербургѣ, по его отѣздѣ я оставался еще нѣсколько времени въ ревельскомъ подворье, а потомъ поселился съ сестрою, Марьей Ивановной, и зятемъ моимъ съ дѣтками ихъ въ Троицкомъ переулкѣ. У меня была спальня и большой свѣтлый кабинетъ съ особымъ выходомъ.

Въ день моихъ имянинъ, т.-е. 21 мая, когда я шелъ изъ

*) На полѣ карандашомъ: «развитіе камаринской».

ревельского подворья къ Степанову, гдѣ провелъ большую часть того дня, мнѣ пришла мелодія «болеро»: «О дѣва чудная моя». Я попросилъ Кукольника написать мнѣ стихи для этой мелодіи, онъ согласился, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ нѣсколько написанныхъ имъ романсовъ.

Поэтому, кажется, поводу пришла Платону мысль о двѣнадцати романсахъ, изданныхъ потомъ П. И. Гурскалинымъ подъ именемъ Прощанія съ Петербургомъ. У меня было нѣсколько запасныхъ мелодій и работа шла весьма успѣшно.

Между тѣмъ, въ началѣ весны здоровье Е. К. начало очень разстраиваться и докторъ объявилъ моей сестрѣ, что ей угрожаетъ чахотка и что ей непремѣнно нужно оставить Петербургъ и отправиться въ болѣе теплый и здоровый климатъ. Это меня глубоко огорчило, но я рѣшился во что бы то ни стало помочь Е. К. Рѣшился уговорить Е. К. и ея матушкуѣхать въ южную Россію, гдѣ у нихъ были родные, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ матушкѣ съ просьбою выслать мнѣ 7,000 руб. асс., обѣщаюсь не беспокоить ее въ теченіи года.

Я часто посѣщалъ Ширкова, рисовалъ съ нимъ акварелью, но безъ большого успѣха. По его просьбѣ началъ писать Камаринскую для фортепіано на три руки; но она выпала такая дрянь, что тутъ же на мѣстѣ разорвалъ написанное мною.

Изъ болеро я сдѣлалъ цѣлую пьесу для фортепіано. Германъ переложилъ его очень удачно на свой оркестръ, равно какъ и вальсъ Fantaisie H-moll; обѣ эти пьесы были чрезвычайно любимы публикой.

Наша братія по сему случаю оставалась на нѣсколько дней въ Павловскѣ, гдѣ мы очень весело провели время.

Матушка выслала деньги на имя Соболевскаго (я держалъ свое намѣреніе въ тайнѣ); получивъ сумму 7,000 р. асс., я, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу: купилъ карету для Е. К. и ея матери, кои были не въ блестящемъ положеніи. Заказалъ дорожную коляску для себя и хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга (поэтому и собраніе романсовъ названо: прощаніе съ Петербургомъ). Я былъ не то что боленъ, не то чтобы здоровъ: на сердцѣ была тяжелая осадка отъ огорченій, и мрачныя неопределенные мысли невольно тѣснились въ умѣ.

Въ первой половинѣ августа все было готово къ отправле-

нию дамъ въ южную Россію. Кукольники и вся братія, искренно меня любившая, не хотѣла разстаться со мною, и можетъ быть на долго (какъ-то предполагалось), не изъявивъ мнѣ дружескихъ чувствъ своихъ.

10-го августа Кукольники устроили для меня прощальный вечеръ, на который, кромѣ искреннихъ пріятелей и домашнихъ, пригласили и нѣкоторыхъ артистовъ и литераторовъ. Я пѣлъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ прощальную пѣснь, хоръ пѣла братія наша и, кромѣ фортепьяно, былъ квартетъ съ контрабасомъ. Хотя этотъ вечеръ былъ художническо-пріятельскій, но тутъ не обошлось безъ смѣху. Якова обокрали; онъ съ горя хлѣбнулъ липній стаканъ мадеры и, не удовольствовавшись быть слушателемъ, рѣшился принять участіе въ исполненіи прощальнаго хора. Онъ съ самонадѣянностью взялъ контрабасъ Мемеля и принялъся играть, но руки не повиновались и онъ съ презабавною миною смотрѣлъ вокругъ себя съ изумленіемъ.

11-го августа я выѣхалъ изъ Петербурга; въ Гатчинѣ мы сѣхались съ Е. К. и ея матерью. Я проводилъ дамъ до Катежны, гдѣ мы разстались: онѣ поѣхали въ Витебскъ, а я на Смоленскъ.

Приѣхавъ къ матушкѣ, я началъ обдумывать свои намѣренія: паспорта и денегъ у меня не было. Притомъ же за нѣсколько дней до отѣзда изъ Петербурга Е. К., въ припадкѣ ревности, жестоко огорчила меня незаслуженными продолжительными упреками. Отъ совокупнаго дѣйствія размышенія и воспоминанія я начиналъ мало-по-малу успокаиваться. Я принялъся за работу и въ три недѣли написалъ Интродукцію «Руслана», начавъ ее въ Новоспасскомъ, кончилъ въ имѣніи зятя моего Николая Дмитріевича Гедеонова (съ которымъ жилъ въ Берлинѣ въ 1834 г.).

На обратномъ пути въ Петербургъ, ночью съ 14-го на 15-е сентября, меня прохватило морозомъ. Приѣхавъ на станцію Городецъ (если не ошибаюсь), я потребовалъ чаю и согрѣвшись отправился въ путь. Всю ночь я былъ въ лихорадочномъ состояніи, воображеніе зашевелилось и я въ ту ночь изобрѣлъ и сообразилъ Финаль оперы, послужившій впослѣдствіи основаніемъ увертуры оперы «Русланъ и Людмила».

Приѣхавъ въ Петербургъ, я поселился у Кукольниковъ. Несторъ жилъ на особенной квартирѣ. Я посѣщалъ иногда семейство

Александровыхъ, состоявшее изъ отца, матери, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ нихъ меньшую я училъ пѣть. Платонъ ухаживалъ за старшей и на ней женился впослѣдствіи. Чаще же бывалъ дома; вслѣдствіе простуды образовалась у меня тупая, но мучительная боль въ правомъ боку, появлявшаяся всякий день по заходженіи солнца. Когда братія расходилась, при мнѣ чаще другихъ оставался Янненко; чтобы развязать ему языкъ, я попросилъ его рассказать свою жизнь и женитьбу. Тогда онъ подробнѣо сообщилъ мнѣ, какъ онъ былъ учителемъ у отца Степановыхъ, бывшаго тогда губернаторомъ Енисейской*) губерніи, какъѣхалъ въ Сибирь, какъ, скажись надъ одиночествомъ губернантки-англичанки, бывшей тогда у Степанова, онъ женился на ней. Англичанка (Кристина Васильевна Норманъ) отблагодарила его и своими трудами кормила его въ послѣдніе годы его жизни.

Несмотря на недугъ, я снова принялъ за работу, началь сцену Людмилы 4-го акта. Вскорѣ потомъ, по просьбѣ Кукольниковъ, написалъ увертюру, антракты, пѣсни: Ходитъ вѣтеръ у воротъ и романсы: Сонъ Рахили, для вновь написанной Несторомъ драмы: Князь Холмскій. Исполнили музыку мою довольно опрятно, но пьеса не удалась и выдержала только три представленія.

Въ ноябрѣ я захворалъ, и опасно, у меня внезапно развилась горячка. Это произошло вѣроятно отъ простуды; наканунѣ я возвращался пѣшкомъ домой безъ калошъ. Въ тотъ вечеръ однажды я ничего особенного не чувствовалъ, просидѣль часа съ два съ Платономъ, диспутовалъ съ нимъ, какъ всегда, и мы даже вышли по бутылкѣ церковнаго, такъ называли мы самый простой медовъ. На другой день всѣ проснулись, начали требовать чаю, а я все лежалъ; когда Платонъ подошелъ ко мнѣ со словами: «Миша, пора вставать», я хотѣль приподняться, но не могъ. Онъ тогда посмотрѣль на меня внимательно, взяль за пульсъ и послалъ за моимъ докторомъ Шерингомъ. Меня перетащили въ комнату Платона, который уступилъ мнѣ свою кровать и во все время болѣзни и выздоровленія ухаживалъ за мною съ искреннею заботливостью. Шерингъ гомеопатическими порош-

*) Въ оригиналѣ: Омской.

ками: *Nux vomica*, *Belladonna*, *Dulcamara*, по одному каждого сорта по разу въ день, прервалъ горячку въ три дня. Послѣ чего однажды я былъ очень слабъ нѣсколько времени и вдругъ по всему тѣлу обнаружилась сыпь. На лѣвомъ боку, противъ сердца сыпь эта слилась въ одну массу. Нѣть сомнѣнія, что продолжительные огорченія были одною изъ главныхъ причинъ этой сыпи, которая, при постоянномъ леченіи подъ надзоромъ Шеринга, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, и когда прошла, долго еще оставались на кожѣ желто-печенковые пятна.

Оправясь, я снова началъ писать «Руслана», а въ то же время, по просьбѣ Мятлева, написалъ Тарантеллу.

Несмотря на плохое состояніе финансъ, я жилъ пріятно, не обременяя другихъ собою. Яковъ отлично умѣлъ готовить для меня щи изъ кислой капусты и кашу. П. П. Рындинъ, съ которымъ я очень сблизился въ это время, не брезгалъ этой скучной трапезой, охотно хаживалъ ко мнѣ обѣдать, причемъ подавали и бутылку церковнаго. Я часто бывалъ у Павла Васильевича Энгельгардта: жена его, женщина пріятной наружности и еще молодая, часто приглашала меня. Послѣ болѣзни присылали за мною карету, обшитую внутри мѣхомъ, а сверхъ того шубки, чтобъ меня болѣе окутать. Софья Григорьевна любила музыку; я написалъ для нея романсъ: *Какъ сладко съ тобою мнѣ быть*, слова П. П. Рындинъ, часто игрывалъ ей отрывки изъ новой моей оперы, въ особенности сцену Людмилы въ замкѣ Черномора. У Павла Васильевича жила двоюродная сестра моя, Софья Ивановна Нольде, съ дѣтками. Итакъ, мнѣ тамъ было очень хорошо; за обѣдомъ хозяйка сажала меня возлѣ себя съ дамами, угождали меня сами барыни, а шуткамъ, рассказнямъ и конца не было. Не рѣдко я также бывалъ у вдовушекъ, т. е. въ добромъ и миломъ семействѣ Моллеріусъ; равно бывалъ у Александровыхъ. Около того времени приѣхалъ старшій братъ Кукольника, Павелъ Васильевичъ, изъ Вильны. Онъ былъ профессоромъ исторіи Виленскаго университета. Онъ поселился съ нами и одушевилъ приѣздомъ семью нашу. Для него написалъ Несторъ хоръ, я написалъ и разучилъ музыку и мы встрѣтили его торжественно. По сему случаю Несторъ написалъ стихи, которые начинались такъ:

Павлу Васильевичу хоръ,

Павлу Васильевичу честь,

Вотъ вамъ почетный приборъ,
Просимъ покорнѣйше сѣть.

Музыки не помню, кажется было solo для Лоди.

Павелъ Васильевичъ былъ очень добрый человѣкъ, любилъ общество, въ особенности общество дамъ; онъ былъ любезенъ, пѣлъ и умѣлъ забавлять общество разными штуками, напр.: отлично представлялъ жидовъ въ синагогѣ; но господствующая страсть его была писать трагедіи изъ первыхъ вѣковъ христіанства; при чтеніи своихъ произведеній онъ приходилъ въ такой восторгъ, что испускалъ внезапные крики и не рѣдко пугалъ своихъ слушателей.

Въ концѣ зимы, т.-е. въ началѣ 1841 г., я, по просьбѣ инспектора Екатерининскаго Института П. Г. Ободовскаго, на слова его сочиненія, написалъ выпускной хоръ E-dur. Иногда бывалъ на репетиціяхъ въ институтѣ, и хоръ исполнили очень хорошо. За этотъ трудъ я получилъ отъ е. и. в. государыни императрицы перстень съ изумрудомъ, осыпанный брилліантами, который я тогда же отоспалъ матушкѣ. По болѣзни государыни танцы и пѣніе вместо института исполняли во дворцѣ, куда и меня пригласили; но я не могъ быть, потому что меня о томъ уведомили поздно и я не имѣлъ времени купить башмаки, шелковые чулки и бѣлыя перчатки.

Въ самомъ началѣ весны, великимъ постомъ, я перѣхалъ въ Степановы мѣсто, которые жаловались мнѣ на предпочтеніе, оказанное мною Кукольникамъ. Николай жилъ на особенной квартирѣ; Петръ Степановъ уступилъ мнѣ комнату, расписанную каррикатурами и чертовщиной. Когда, бывало, карета ночью своими освѣщенными фонарями постепенно мгновеннымъ свѣтомъ освѣщала мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другую, а казалось, что стоявшая на печкѣ мертвая голова насмѣшило улыбалась; мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто казалось, что она смеялась надъ моими страданіями; тогда я спалъ дурно и часто предавался печальнymъ размышеніямъ о судьбѣ своей. Несмотря на это болѣзненное расположение духа, я продолжалъ писать оперу. Докторъ Садовскій пришелъ однажды, закурилъ сигарку и, смотря на мою работу, сказалъ мнѣ съ са-

модовольнымъ видомъ: отодрать бы тебя, братецъ, лучше бы писалъ *).

Паста, приѣхавшая къ намъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1840 г., была въ моей оперѣ: «Жизнь за Царя». Когда Петрова начала пѣть «Ахъ не мнѣ бѣдному», сопровождаемое, какъ известно, 4-мя віолончелями и контрабасомъ, Паста, обратясь ко мнѣ, сказала: «какъ хорошо плачутъ эти віолончели».

Раннею весною приѣхалъ въ Петербургъ зять мой Яковъ Михайловичъ Соболевскій съ сыномъ своимъ (полуглухонѣмымъ) и сестрою Елизаветою Ивановною, взявшую на себя воспитаніе племянника. Ониѣхали въ Парижъ, чтобы испытать все возможное для облегченія полуглухонѣмаго. Матушка, отъ которой не укрылось болѣзnenное расположение моего духа, желала, чтобы яѣхалъ съ ними и прислала потребную для того сумму. Я однако же съ ними не отправился и вотъ по какой причинѣ. Не за долго до приѣзда зятя съ сыномъ и сестрой моей, по городу разнесся слухъ, что Марья Петровна вышла замужъ. Этотъ, по видимому нелѣпый, слухъ оправдался; оказалось, что обѣ этомъ противузаконномъ бракѣ было донесено с.-петербургской консисторіи **).

Обдумавъ хорошенько, я подальше прошеніе о расторженіи моего брака и сейчасъ же отправился къ матушкѣ, съ которой пробылъ дня четыре. Въ іюнѣ 1841 г., возвратясь въ Петербургъ, занялся бракоразводнымъ дѣломъ. Марья Петровна долго отдаливалась, привидываясь больною, но вынуждена наконецъ была явиться въ консисторію. На очной ставкѣ я скрѣшилъ сердце и стоялъ спокойно, Марья Петровна плакала. Послѣ обычныхъ троекратныхъ увѣщаній, я объявилъ, что не могу отстать отъ своего намѣренія, что я вынужденъ къ тому семейственными обстоятельствами, что мною не руководствуетъ злоба, въ доказательство чего прошу извиненія у жены за всѣ невольно наносимыя ей мною огорченія.

Менѣе трудны были для меня очные ставки съ адвокатомъ Марии Петровны, какимъ-то Федоровымъ. Я молча выслушивалъ

*) Эта сцена изображена Н. А. Степановымъ въ выше упомянутомъ альбомѣ Л. Ив. Шестаковой.

**) Здѣсь нами выпущены двѣ строки.

Ред.

его обвинения, а въ свою очередь повторялъ только, что я оста-
юсь при первомъ своемъ показаніи.

Несмотря на всѣ непріятныя хлопоты по бракоразводно-
му дѣлу, я въ концѣ лѣта снова принялъ за работу. Яковъ
Михайловичъ съ сыномъ и сестрою, Елизаветою Ивановною, въ
въ началѣ осени возвратились изъ Парижа. Всѣ опыты надъ
полуглухонѣмымъ племянникомъ оказались безуспѣшными. Зять
оставался не долго въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню. Я съ
сестрою и племянникомъ перебѣхалъ въ домъ Шуппе (бывшій
Варварина) противу Опекунскаго Совѣта, въ Мѣщанской улицѣ.
Сестра съ племянникомъ взяла удобную для помѣщенія квартиру;
у нея же готовили для насъ всѣхъ кушанье. Я помѣстился
особо, въ томъ же этажѣ, въ двухъ маленькихъ, но очень свѣт-
лыхъ комнатахъ. Еще въ концѣ лѣта я почувствовалъ необык-
новенное расположение къ сочиненію музыки и это расположе-
ніе не измѣнилось. Сверхъ того, я началъ учиться рисованію, а
именно пейзажей, у ученика академіи Солнцева и началъ рисо-
вать порядочно, такъ что скопировалъ нѣсколько ландшафтовъ
карандашомъ для моихъ знакомыхъ; а на одномъ изъ моихъ
рисунковъ карандашомъ К. Брюловъ подпись: скопировано
очень не дурно.

Обѣдалъ у сестры, а иногда оставался съ нею послѣ обѣда;
она тогда прилежно занималась игрою на фортепіано и я аком-
панировалъ ей на скрипкѣ, между прочимъ сонату Бетховена
F-dur. У нея жила въ услуженіи дѣвушка (крѣпостная), ко-
торая учились шить платья у модистки, и матушка назначала
ее въ горничныя младшей сестрѣ моей Ольгѣ. Ей было 18 лѣтъ,
она была очень стройная и довольно миловидная дѣвушка. Она
одѣвалась хотя очень просто; но опрятно и мило, и не рѣдко
потѣшала меня презабавными, неожиданными выходками, такъ
напр.; оперу мою «Русланъ и Людмила» она называла своею. Яковъ
Ульяновъ также, говоря о «Жизни за Царя» выражался обыкно-
венно: наша опера. Однимъ словомъ, по всей справедливости
ее назвать можно было гризеткой. Въ короткое время я къ
ней очень привыкъ:

Привычка въ чувство обратилась,
А чувство въ счастье многихъ дней.

Дѣйствительно, я ей обязанъ многими и многими пріятными

минутами. Мне дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а, сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова.. Осмотрѣвшись, однако же, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора и Мишу Гедеонова, съ которыми, равно какъ съ братомъ его Степаномъ Александровичемъ, я не только помирился, но и очень сблизился. Сверхъ того, былъ у меня на обѣдѣ и Владиславлевъ, бывшій въ то время дежурнымъ штабофицеромъ корпуса жандармовъ. Онъ любилъ искусства, живопись, и музыку въ особенности; я съ нимъ былъ на дружеской ногѣ, и занялъ у него по случаю обѣда серебро и столовое бѣлье. По причинѣ отѣзда Ширкова въ Украину, Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы. Кукольникъ написалъ стихи *) для финала оперы и сцену Ратмира 3-го дѣйствія: И жаръ и зной. Гедеоновъ написалъ маленький дуэтъ, слѣдующій за балладою Финна между Финномъ и Русланомъ: Благодарю тебя, мой дивный покровитель, речитативъ Финна въ 3-мъ актѣ: Витязи, коварная Наина и ихъ молитву въ 4 голоса, которую оканчивается третье дѣйствіе. И я самъ написалъ сцену Фарлафа съ Наиной и рондо Фарлафа, а также начало финала 3-го дѣйствія. Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали Маркевичъ, В. О. Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я.

Великимъ постомъ, въ самомъ началѣ весны 1842 г., приѣхала матушка съ младшей сестрою Ольгою, съ тѣмъ, чтобы провести годъ въ Петербургѣ, для окончанія воспитанія сестры Ольги, которой было лѣтъ 16 или 17. Вскорѣ по приѣздѣ мы перѣѣхали въ домъ Давыдова на Гороховой улицѣ. Матушка съ сестрами и племянникомъ заняла бельэтажъ, а мнѣ нашлись двѣ комнаты на дворѣ съ кухнею.

Въ короткое время опера была доведена до того, что нельзя было дописывать немногаго, оставшагося безъ сценическихъ соображеній и содѣйствія декоратора и балетмейстера. Итаѣ (въ

*) «Англійскіе (?) Я написалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы по возвращенії Ширкова они были замѣнены стихами, со смысломъ, но этого не послѣдовало и теперь гуляютъ англійскіе». Примѣчаніе Кукольника.

апрѣль 1842 г., если не ошибаюсь), я явился къ директору Гедеонову съ партитурой, и онъ безъ всякихъ разговоровъ принялъ мою оперу, приказалъ сейчасъ же приступить къ постановѣя на сцену, и по моему желанію, вмѣсто единовременного вознагражденія 4,000 р. асс., согласился, чтобы я получалъ разовые, т.-е. десятый процентъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представлениe. Скоро послѣ того отдали мою партитуру въ театральную нотную контору и, когда партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоры были изготовлены, я принялъ за разучку моей музыки. Впослѣдствіи (это было уже лѣто) надлежало поладить съ балетмейстеромъ Титюсомъ, человѣкомъ весьма ограниченныхъ способностей. Для этого я затѣялъ дать ему обѣдъ (онъ любилъ покушать), и чтобы болѣе угодить ему, заказалъ у французского ресторатора Legrand любимыя его кушанья. На обѣдъ, кромѣ балетмейстера Титюса, пригласилъ двухъ Гедеоновыхъ, Костю Булгакова, какъ пріятного и веселаго собесѣдника и Павла Павловича Каменскаго, служившаго переводчикомъ въ канцеляріи директора театровъ, Гедеонова. По нашему мнѣнію, онъ отлично танцевалъ лезгинку. Такъ какъ музыка для танцевъ 4-го дѣйствія была составлена мною изъ восточныхъ мелодій, то я желалъ, чтобы Титюсъ по возможности сдѣлалъ и самые танцы въ восточномъ родѣ и назначилъ для solo въ этомъ танцѣ, названномъ мною лезгинкой, танцовщицу Андреинову 2-ю, которой въ то время особенно покровительствовалъ директоръ театровъ. Танцы же 3-го дѣйствія вполнѣ предоставилъ Титюсу. Обѣдъ удался и вино произвело свое дѣйствіе: послѣ обѣда Каменскій поплясалъ лезгинку, которая не очень понравилась французу Титюсу, но онъ согласился поставить этотъ танецъ по моему желанію.

Вина было вдоволь, такъ что когда послѣ театра возвратились Гедеоновъ и Каменскій ко мнѣ, то я ихъ употчиваѣ отлипчившімъ хересомъ. По этому поводу въ эпитафіи, сочиненной ими на меня впослѣдствіи, помѣщены слѣдующіе стихи:

Любилъ онъ музыку и юбки;
Чужіе люди для него
Вакштафа набивали трубки,
И жилъ въ Давыдовъ онъ домъ,
Не обижая ни кого,
Бутылокъ хереса окромъ.

Оставлю на время театръ и оперу, чтобы упомянуть о приѣздѣ Листа въ Петербургъ.

Появленіе его у насъ въ февралѣ 1842 г. перецелошило всѣхъ дилетантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта, со времени разрыва моего съ женой, т.-е. съ ноября 1839 г., снова вытащили на люди и забытому почти всѣми, русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекомендациіи знаменитаго иностраннаго артиста! Несмотря на всеобщее и отчасти собственное мое увлеченіе, я могу теперь еще дать полный отчетъ въ впечатлѣніи, произведенномъ на меня игрою Листа. Мазурки Chopin, его Nocturnes и этюды, вообще всю блестящую и модную музыку онъ игралъ очень мило, но съ превычурными оттѣнками (*à la fran aise*), *c'est à dire avec exag ration de tout genre*. Менѣе удовлетворительно однакоже (по моему мнѣнію) игралъ онъ Баха (котораго *clavecin bien temp r * зналъ почти наизусть), Симфонію Бетховена, переписанную имъ самимъ (*transcrive*) для фортепьяно; въ сонатахъ Бетховена и вообще въ классической музыкальной исполненіе его не имѣло надлежащаго достоинства и въ ударѣ по клавишамъ было нѣчто отчасти котлетное. Исполненіе Сентуора Гуммеля отзывалось какимъ-то пренебреженіемъ и по-моему Гуммель игралъ его несравненно лучше и проще. Бетховена концертъ Es-dur исполнилъ онъ гораздо удовлетворительнѣе. Вообще способъ игры Листа въ оконченности не сравни съ Фильдомъ, Карломъ Мейеромъ и даже Тальбергомъ, въ особенности въ скалахъ.

Кромѣ графовъ Віельгорскихъ и Одоевскаго я бывалъ съ Листомъ у графини Растопчиной и у Палибиної. У Одоевскаго, Листъ сыгралъ *à livre ouvert* нѣсколько №№ Руслана съ собственноручной, никому еще неизвѣстной моей партитуры, сохранивъ всѣ ноты, ко всеобщему нашему удивленію. Обращеніе и приемы Листа не могли не поразить меня страннымъ образомъ; ибо я тогда не былъ еще въ Парижѣ и юную Францію зналъ только по наслышкѣ. Кромѣ очень длинныхъ волосъ, въ обращеніи онъ иногда прибѣгалъ къ сладкоразнѣженому тону (*mignardise*); по временамъ въ его обращеніи проявлялась надменная самоувѣренность (*arrogance*). Впрочемъ, несмотря на нѣкоторый тонъ покровительства въ обществахъ, особенно между артистами и

молодыми людьми, онъ былъ любезенъ, охотно принималъ искреннее участіе въ общемъ веселіи и не прочь былъ покутить съ нами.

Когда мы встрѣчались въ обществахъ, что случалось не рѣдко, Листъ всегда просилъ меня спѣть ему одинъ или два моихъ романса.

Болѣе всѣхъ другихъ нравилось ему: Въ крови горитъ. Онъ же въ свою очередь игралъ для меня, что-нибудь Chopin или моднаго Бетховена. Великимъ постомъ того же 1842 г. я познакомился съ семействами Табаровскихъ и Сѣровыхъ. Александръ Николаевичъ Сѣровъ былъ въ то время очень молодой человѣкъ, образованный (онъ учился въ училищѣ нравовѣдѣнія) и очень хорошій музыкантъ; онъ игралъ на фортепьяно, нѣсколько на виолончели, въ особенности же бойко игралъ съ листа. Сходки наши въ домѣ Мерца прекратились; братія разъѣхались. Несторъ Кукольникъ прежде другихъ перѣхалъ на особливую квартиру. Несмотря на это по прежнему любилъ меня, и, по требованію моему, написалъ стихи для моей новой оперы и поправлялъ стихи моего собственнаго изданія. Когда же я объявлялъ ему, что написалъ сцену или № оперы, онъ чрезвычайно радовался и становился безпокойнѣ отъ желанія скорѣе слышать новое мое произведеніе. Вообще онъ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ себѣсѣдниковъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ моей жизни. Съ нимъ скуча было невозможна; онъ умно и ловко говорилъ обо всемъ. Однажды въ теченіи вечера онъ, необыкновенно ясно и дѣльно, изложилъ словесно исторію Литвы по моему желанію. Когда я изъявилъ мое удивленіе, онъ отвѣчалъ улыбаясь: «прикажешь государь, завтра буду акушеромъ». Если я излагалъ мнѣніе противное его мнѣнію, то онъ говоривалъ такъ: «Миша! на это моего согласія нѣтъ; выпьемъ». Это значило выпить по стакану церковнаго.

В. И. Богаевъ женился. Платонъ Кукольникъ перѣхалъ въ домъ Александровыхъ. Онъ занялъ весь нижній этажъ (*rez de chaussée*), который очень мило отдалъ, а семейство Александровыхъ помѣстилось въ мезонинѣ того же дома. Большая часть братіи сходилась на его вечерахъ, которые онъ умѣлъ оживлять всевозможными способами. Пѣли, играли на фортепьяно, танцевали; Несторъ по временамъ читалъ свои новые произве-

денія,—шла дружеская бесѣда, а въ заключеніе вкусный и сытный ужинъ еще болѣе располагалъ всѣхъ къ веселію.

Рѣже, но также пріятны, были вечера у Владиславлева, гдѣ иногда встречались наши и иностранные художники; и у него на вечерахъ пѣли, танцевали и веселились не мало.

По вечерамъ поздно я часто навѣщалъ Мишу Гедеонова, у которого тогда еще начались сходки послѣ театра.

Онъ и братъ его Степанъ Александровичъ расположили отца своего въ мою пользу до такой степени, что, отъѣзжая въ Москву, онъ позволилъ мнѣ распоряжаться по собственному моему усмотрѣнію постановкою моей новой оперы. Вслѣдствіе этого распоряженія я съ Гайдуковымъ (экзекуторомъ [оберъ-костюмеръ] при дирекціи с.-петербургскихъ театровъ) осмотрѣлъ огромные гардеробы, принадлежащіе дирекціи театровъ, вмѣстѣ съ нимъ мы положили, какие костюмы надлежало сдѣлать вновь и какие можно обновить и передѣлать. Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣланы были по указанію Карла Брюлова. Брюловъ сообщилъ также свои соображенія о декораціяхъ Роллеру, который еще до того (написалъ) масляными красками эскизы декорацій для «Руслана и Людмилы», которые теперь находятся у Нестора Кукольника *).

Всюторъ по обѣдѣ, который я далъ Титюсу (это было лѣтомъ), онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать на дачу на Крестовскомъ островѣ и славно угостили меня. Послѣ того онъ началъ заниматься составленіемъ танцевъ и я ходилъ охотно въ школу, чтобы сопротивляться съ его требованіями и передѣлывать, что оказывалось нужнымъ перемѣнить. Такимъ образомъ, въ танцы 3-го дѣйствія я долженъ былъ ввести нѣсколько пошлыхъ фразъ, чтобы ловко было танцевать enlevé.

Прежде нежели Титюсъ начиналъ разучивать и сочинять танцы для «Руслана», онъ начиналъ похвалами самому себѣ—говорилъ: *Apr  sent tous les maitres de danses sont des maitres assis*, т.-е. учать сидя; онъ же и еще какой-то другой балетмейстеръ въ Парижѣ, одни только могутъ учить стоя, т.-е. могутъ сами танцевать. При этомъ, со скрипкой въ одной руцѣ и смычкою

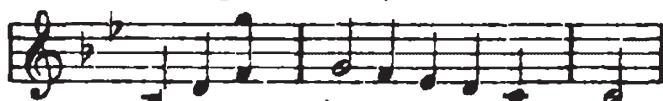
*) Эти эскизы были такъ хороши, въ особенности видъ заколдованныго замка Черномора, что Роллера за него удостоили званія академика.

Прим. Кукольника.

въ другой, онъ начиналъ дѣлать разныя па, и, приходя постепенно въ восторгъ, выдѣльвалъ наконецъ антракт и другія трудные штуки. Все это происходило въ присутствіи воспитанницъ, танцовщиковъ и музыкантовъ и крайне было забавно.

Я вѣдь тогда жизнь весьма пріятную; утромъ передѣльвалъ танцы и немногія недоконченныя мѣста изъ оперы, въ 12-мъ часу утра отправлялся на репетицію въ залы театра или школы, откуда меня не рѣдко привозили домой въ театральной каретѣ съ воспитанницами и актрисами. Обѣдалъ я у матушки и проводилъ въ семействѣ послѣобѣденное время; вечеромъ обыкновенно ёздила въ театръ, гдѣ оставался все время за кулисами. Когда вечеромъ я возвращался домой, сестра Ольга встрѣчала меня со смѣхомъ и на вопросъ мой: «чemu ты смѣешься, Oline?» отвѣчала: «вы пришли, значитъ смѣхъ будетъ». Дѣйствительно, не проходило четверти часа, чтобы я не разсмѣшилъ сестры и матушки.

10-го августа была первая квартетная проба новой моей оперы у матушки на квартирѣ. Участвовали 1-я скрипка, Месь и Альбрехтъ, замѣнившій старика Кавоса, который умеръ, 2-я скрипка Вейцманнъ, альтъ —*), віолончель — Шубертъ и контрабасъ Мемель. Присутствовали Гунке и Раль; этому послѣднему поручено было мною оркестровать написанное мною для ~~хоровой~~ музыки; во время этой репетиціи я на фортепіано игралъ ~~на~~ тѣ духовыхъ инструментовъ, голосовъ не было. Репетиція была очень удачна; окончивъ ее, матушка угостила моихъ сотрудниковъ на славу. Мы дружно бесѣдовали и смѣялись; Вейцманнъ потѣшалъ насъ различными фарсами. Осеню начались пробы, сперва въ залахъ, а потомъ на сценѣ. Тогда оказалось, что многіе №№ оперы нужно было сократить, а именно: изъ интродукціи надлежало исключить вторую пѣснь Бояна: Есть пустынный край. Равнымъ образомъ все окончательно развилие (*développement et réoraison*) главной темы:

Лейся полнѣе, кубокъ златой, впослѣдствіи нужно было исключить. Въ финалѣ первого акта сокращенъ хоръ Лелю H-dur въ $\frac{5}{4}$.

*) Такъ написано у Глинки.

Во второмъ актѣ: Баллада Финна оказалась нѣсколько длинною; но я не сократилъ ее и публика впослѣдствіи привыкла ее слушать, какъ она мною первоначально написана.

Хоръ головы, т.-е. финаль 2-го акта, на который я очень разсчитывалъ, рѣшительно не удался и пѣли его такъ невѣрно, что мнѣ самому было не въ силу слышать его. Въ III-мъ актѣ, виѣсто написаннаго мною чрезвычайно труднаго антракта, надлежало начать прямо съ хора: Ложится въ полѣ мракъ ночной, котораго первые куплеты поются за кулисами. Въ финалѣ терцетъ: Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, надлежало исключить потому, что онъ замедлялъ ходъ драмы.

Въ 4-мъ актѣ сцена Людмилы, за которую во время репетицій въ залахъ благодарила меня Степанова, на сценѣ совсѣмъ не вышла и также Степанова упрекала меня, что я не хорошо разсчелъ сценическій эффектъ.

Въ финалѣ этого и послѣдняго акта надлежало также мно-
гое сократить. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, режи-
ссръ М. С. Лебедевъ ручался за то, что опера пойдетъ хоро-
шо. Увертюру прямо на оркестръ я писалъ нерѣдко во время
репетицій въ комнатѣ режиссёра.

Гедеоновъ, возвратясь изъ Москвы, какъ-то повздорилъ съ Роллеромъ. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу моей оперы. Декораціи первыхъ трехъ актовъ были хороши, хотѣ не совсѣмъ въ сказочномъ русскомъ характерѣ. Я разсчиты-
валъ болѣе всего на эффектъ 4-го дѣйствія въ садахъ Черномо-
ра. Изъ волшебно-прекрасной, затѣйливой декораціи, которая
бы могла занять публику и заставить ее забыть недостатокъ
драматическаго дѣйствія оперы, Роллеръ (вѣроятно отъ доса-
ды) сдѣлалъ самую пошлую изъ всѣхъ декорацій оперы. Замокъ
похожъ былъ на казармы, фантастические цвѣты на бокахъ
авансцены были безобразны и гадко размалеваны самыми про-
стыми красками и испещрены сусальнымъ золотомъ, сюрпризы
были гадкие. Вместо стола съ различными яствами для Людми-
лы выходило изъ земли нѣчто въ родѣ налоя съ какимъ-то по-
золоченнымъ шевелившимся деревцомъ. Однимъ словомъ, это
была не декорація, а западня (*attrappe*) для актеровъ и публи-
ки; не только Степанова, но и самая первоклассная актриса не
могла бы эффектно выполнить этой сцены. Когда же являлся

неуклюжій Черноморъ съ свитою своей и полковой музыкой, тогда не было мѣста ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ.

Декорація послѣдняя 5-го акта не лучше была.

Новое обстоятельство умножило весьма значительно мои хлопоты и непріятности. Около 1840 или 1841 г. Булгаринъ бывалъ часто у Нестора Кукольника и я былъ съ нимъ на дружеской ногѣ и даже на ты. Изъ-за пустяковъ мы разсорились. Не вижу надобности скрывать причину ссоры моей съ Булгаринымъ. Однажды въ Павловскѣ Булгаринъ что-то долго шепталъ на ухо Герману*), между тѣмъ публика ожидала одной изъ любимыхъ пьесъ; я въ полголоса сказалъ шутливо Герману: «не слушайте его, онъ ничего въ музыкѣ не разумѣетъ». За эту шутку Булгаринъ взбѣсился. Мы были на кіоскѣ, гдѣ оркестръ. Булгаринъ завязалъ споръ и такъ какъ дѣло шло о музыкѣ, то естественно, что мнѣ легко было объяснить и доказать, что онъ нашего искусства не разумѣетъ.

Этотъ споръ продолжался долго и въ присутствіи многочленной толпы.

Сеньковскій, съ которыми въ то время я былъ очень друженъ, желая отклонить отъ меня новая непріятности, старался примирить меня съ Булгаринымъ.

Онъ позвалъ къ Coulon**) на обѣдъ бельгійскую г'вицу Мерти съ ея матерью (Мерти впослѣдствіи вышла за klarнетиста Блэза, который былъ долгое время у настѣ и былъ любимъ), меня и Булгарина. Мы подали другъ другу руку въ знакъ примиренія, но я однако не хотѣлъ просить его о покровительствѣ. Когда же зашла рѣчъ о моей оперѣ, Булгаринъ съ притворнымъ видомъ сожалѣнія сказалъ: «досадно, что такое превосходное произведеніе должно быть ввѣreno артистамъ, которые не въ состояніи исполнить его надлежащимъ образомъ». На это я отвѣчалъ ему, что я писалъ мою оперу, зная уже тѣхъ артистовъ, которые должны будуть исполнить ее, что я сообразовался съ ихъ средствами и вполнѣ ими доволенъ.

Нѣсколько дней послѣ того, когда я пришелъ на репетицію, Леоновъ взялъ меня въ сторону и таинственно сообщилъ, что

*) Германъ управлялъ тогда оркестромъ, игравшимъ въ Павловскомъ вокзалѣ.

**) Тогдашній содержатель павловскаго ресторана.

актеры сердятся на меня. Въ самомъ дѣлѣ, когда взошелъ на сцену, то ясно увидѣлъ, что меня принимаютъ сухо и на всѣхъ лицахъ недовольную мину. Петрова же вскинулась на меня въ гневѣ и разразилась упреками, изъ которыхъ я узналъ, что вышла въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ артистахъ, которая ихъ обидѣла и которую они мнѣ приписывали*). Я объяснилъ Петровой, что я никакой статьи не читалъ и не знаю, а что Булгаринъ въ статьѣ, на которую она ссылается, напечаталъ собственно слова свои, сказанныя мнѣ во время обѣда у Coulon. Видя однажды, что мои убѣжденія ни къ чему не служать, я отвернулся.... и предоставилъ режиссёру вести репетицію.

Музыканты также (кромѣ почтенныхъ изъ нихъ, какъ Меса, Альбрехта, Шуберта, Мемеля и другихъ) разозлились на меня за статью Булгарина и начали играть весьма небрежно, что въ особенности замѣтно было въ увертюрѣ и въ финалѣ 5-го дѣйствія. Видя это, я попросилъ старшихъ музыкантовъ, а именно капельмейстера Альбрехта, Меса и Майнгарта уговорить молодыхъ музыкантовъ быть исправными, въ противномъ случаѣ, прибавилъ я, «донощикомъ я не буду, а найдутся другіе, которые охотно доведутъ до свѣдѣнія директора, что такие-то изъ музыкантовъ пренебрегаютъ своимъ дѣломъ, а директоръ, какъ вы знаете, радъ случаю прогнать музыканта. Мнѣ же, заключилъ я, прискорбно бы было, чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за моей оперы».

На одной изъ послѣднихъ репетицій графъ М. Юр. Віельгорскій, прослушавъ первую половину 5-го акта, обратясь ко мнѣ сказалъ: *mon cher, c'est mauvais! — «Retirez vos paroles, M-r le comte, отвѣчалъ я ему; il est possible que cela ne fasse pas des l'effet, mais pour mauvais certe, que ma musique ne l'est pas».*

Всю эту часть 5-го акта впослѣдствіи выпустили. Сокращенія (coupages) я предоставилъ графу Віельгорскому, который нещадно выкраивалъ и часто лучшія мѣста, приговаривая съ самодовольнымъ видомъ: «не правда ли, что я мастеръ дѣлать купюры?»

*) Эта статья напечатана въ № 250 (7 ноября, суббота) Сѣверной Пчели 1842 года. Послѣ того Булгаринъ два раза (№№ 261 и 273) оправдывался въ своихъ словахъ передъ оскорблѣнными артистами.

Ред.

Назначено было 27 ноября 1842 г. для первого представления «Руслана и Людмилы». Петрова была нездорова, а роль Ратмира должна была исполнять Петрова - воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и неопытная артистка. Перемянить было невозможно, въ особенности потому, что директоръ не любилъ старшую Петрову.

Несмотря на мучительное чувство, овладѣвавшее мною всякий разъ во время первого представлениія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно.

Второй актъ прошелъ также не дурно, за исключеніемъ хора въ головѣ.

Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ: И зной, и жаръ, Петрова-воспитанница оказалась весьма слабою и публика замѣтно охладилась. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, которого ожидали. Въ концѣ же 5-го дѣйствія императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили занавѣсь, начали меня вызывать, но аплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ генералу Дубельту съ вопросомъ: «кажется, что шикуютъ, идти ли мнѣ на вызовъ?».—«Иди, отвѣчалъ генераль, Христосъ страдалъ болѣе тебя».

Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли моихъ пріятелей, приѣхавшихъ къ намъ ужинать. Матушка за мой трудъ подарила мнѣ столоваго серебра на 12 кувертовъ.

Второе представленіе прошло не лучше первого. На третье представленіе явилась старшая Петрова, она исполнила сцену III-го дѣйствія съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительные рукоплесканія, торжественно вызывали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы продолжались въ продолженіи 17-ти представлений. По сему поводу нерѣдко сердилась на меня Петрова. Во время ея сцены, я ее не слушалъ, а въ одной изъ отдаленныхъ кулисъ шушукалъ съ одной изъ миловидныхъ воспитанницъ и часто опаздывалъ на вызовъ.

Въ теченіи зимы, или лучше, отъ 27 ноября до великаго

ности опера выдержала 32 представления. Всехъ впослѣдствіи опера выдержала 53 представления въ С.-Петербургѣ.

Булгаринъ не ограничился статьей, написанной имъ до первого представления; онъ со всевозможной злобой критиковалъ музыку, и слова и, что было презабавно, строго разбиралъ преимущественно слова, мною написанныя *).

Сенкевичъ постоянно защищалъ меня и, какъ извѣстно, очень умно и ловко. Князь Одоевскій написалъ также объ моей оперѣ премилую статью. Графъ же Вельгорскій, когда заходила рѣчь о моей оперѣ, всегда говорилъ: *c'est un opéra magnifique*. Другой критикъ, обратясь къ директору Гедеонову, сказалъ однажды: «какъ жаль, что вы издержали такъ много на постановку оперы Глинки, вѣдь она не пойдетъ.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Гедеоновъ, я не жалѣю и увѣренъ, что она прекрасно пойдетъ, а вы напишите лучше». Гедеоновъ въ глаза трунилъ надо мною, говорилъ, что я порчу музыкантовъ, ибо по временамъ нѣкоторые изъ нихъ ничего не играютъ, что не слѣдуетъ писать такъ учено и т. п., за глаза же постоянно и ревностно защищалъ меня. Великимъ постомъ я получилъ до 3 тысячи рубл. сер. разовыхъ изъ театральной конторы и отдалъ ихъ матушкѣ на сохраненіе.

ПЕРИОДЪ IX.

Отъ первыхъ представлений оперы «Русланъ и Людмила» до поѣздки въ Парижъ.

Приѣхалъ во второй разъ Листъ въ Петербургъ и нерѣдко кутилъ съ нами въ обществѣ Гедеоновыхъ (Мишъ я посвятилъ мою оперу «Русланъ и Людмила») и графа Аркадія Павловича Кутузова, чрезвычайно пріятнаго и любезнаго собесѣдника.

Листъ слышалъ мою оперу, онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста. Несмотря на многіе недостатки «Руслана», онъ успокоилъ меня на счетъ успѣха. Не только въ Петербургѣ, но и въ Парижѣ, по словамъ его, моя опера выдержа толь-

*) Разборъ «Руслана и Людмилы» помещенъ въ №№ 275 (вторникъ 8 декабря) и 277 (четвергъ 10 декабря) «Сѣверной Целы» 1842 года. Но Глинка ошибался, приписывая этотъ разборъ самому Булгарину; статьи подписаны буквами Р. З. Впрочемъ буквальное сходство нѣкоторыхъ выражений съ субботничкомъ Булгарина ясно показываетъ, что булгаринскій сотрудникъ писалъ не безъ вдохновенія со стороны своего патрона.

ко въ (оди) течениі одной зимы 32 представлениі, могла бы счи-
таться удачною. «Вильгельмъ Телль» Россини въ первую зиму
выдержалъ только 16 представлений.

Я ему высказалъ откровенно мои взгляды на искусство и на
композиторовъ. По моему мнѣнію, Карль Марія Веберъ былъ
для меня очень неудовлетворителенъ (даже во «Фрейшюцѣ»), отъ
излишняго употребленія доминантъ-септимъ аккорда въ пер-
вой его позиціи. На это Листъ сказалъ мнѣ: «vous êtes avec
Weber, comme deux rivaux, qui courtisez la même
femme».

День отѣзда Листа мнѣ очень памятенъ, мы ужинали (ка-
жется) у графа Кутузова. Зашла рѣчь о моей оперѣ, и графъ
М. Ю. Віельгорскій сказалъ опять: *ton cher, c'est un opéra*
trapu et é. Наскучивъ слышать одно и тоже, я попросилъ мину-
ту вниманія у присутствовавшихъ на ужинѣ: «Господа, сказалъ
обратясь къ нимъ, я считаю графа однимъ изъ наилучшихъ
музыкантовъ, какихъ я только встрѣчалъ—всѣ единодушно со-
гласились на это предложеніе—теперь, положа руку на сердце,
скажите мнѣ, графъ, подписали-ль бы имя ваше подъ этойope-
рой, если бы ее написали?» — Конечно, охотно, отвѣчалъ онъ.
«Такъ, позвольте-жъ и мнѣ быть довольнымъ трудомъ моимъ».

Несмотря на эти выходки противъ меня, внущенная нѣ-
сколько *jalousie de métier* (графъ писалъ въ то время оперу:
Цыгане), онъ любилъ меня. Вообще и теперь еще онъ крайне
любезенъ въ обществѣ и увлекается, какъ юноша новыми впе-
чатлѣніями. Когда приѣхалъ къ намъ Рубини (въ мартѣ 1843 г.),
графъ, опустивъ подбородокъ въ огромный свой галстукъ, ска-
залъ: *ton cher, c'est Jupiter Olympien!*

Иванъ Ивановичъ Рубини, какъ мы называли его, несмо-
тря на обработанность голоса и увѣренность (*aplomb*) былъ не
Юпитеромъ, а развалиной. Голосъ его еще въ Италии въ 1830 г.
не удовлетворялъ меня, въ первые раза въ особенности онъ мнѣ
отдавался въ ушахъ болѣе стекляннымъ, нежели металлическимъ.
Образъ его пѣнія еще въ Италии я находилъ изысканнымъ, въ
1843 г. преувеличеніе (*exagération*) дошло до нелѣпой степени.
Онъ пѣлъ или чрезвычайно усиленно, или же такъ, что рѣши-
тельно ничего не было слышно; онъ, можно сказать, отворялъ
только ротъ, а публика пѣла его *rrr*, что естественно лѣстило

самолюбію слушателей и ему ревностно аплодировали. Онъ даль нѣсколько концертовъ въ залѣ собранія. Вечера у Миши Гедеонова становились болѣе и болѣе оживленны и занимательны.

Кромѣ Гедеоновыхъ, постоянными посѣтителями на нихъ были: графъ Кутузовъ, Варламовъ, К. Булгаковъ, П. Т. Каменскій, Гороновичъ (алиса), секретарь директора Александръ Львовичъ Неваховичъ, Гейденрейхъ, докторъ Берсъ и мой пансіонскій товарищъ Самаринъ. Мы жили душа въ душу и не рѣдко ужинали, довольствуясь остатками директорскаго обѣда, а если онаго было недостаточно, то дѣлали складчину и каждый давалъ для этого, сколько случалось. Расходились очень поздно, такъ что отъ Гедеоновыхъ я рѣдко приходилъ ранѣе 5 часовъ утра.

Самаринъ написалъ романсь: Люблю тебя, милая роза, который я положилъ у К. Булгакова на музыку и, какъ помнится, ночью, послѣ театра. Около того же времени написалъ для фортепьяно Тарантеллу A-moll въ $\frac{2}{4}$.

Въ томъ же, 1843 г., если не ошибаюсь, я написалъ романсь къ Ней, переведенный изъ Мицкевича княземъ С. Голицынымъ.

Хлопоты и непріятности въ театрѣ, равно какъ и бракоразводное дѣло мнѣ опротивѣли и я впалъ въ какое-то во всему равнодушіе. Хотя я узналъ, что Марья Петровна со вторымъ мужемъ своимъ прижила дочку, я никакъ не хотѣлъ ее за то преслѣдовать, справедливо опасаясь новыхъ хлопотъ и непріятностей, несмотря на желаніе матушки моей, чтобы я занялся этимъ дѣломъ.

Весною матушка съ сестрою Ольгою Ивановною отправились въ деревню, а сестра Елизавета Ивановна съ племянникомъ на дачу у лѣсного института. Я, оставшись въ домѣ Давыдова, ходилъ обыкновенно обѣдать и ужинать въ Legrand, тамъ отъ скучи не рѣдко пировалъ съ друзьями. По пословицѣ: *ce qui vient par la flûte s'en va par le tambour*, приобрѣтенныя за оперу деньги не долго пролежали.

Е. К. еще въ 1842 г. возвратилась въ Петербургъ; я съ ней видался часто дружески, но уже не было прежней поэзіи и прежняго увлечения. Она познакомилась съ Марьей Степановной К.....*), бывшей тогда въ Петербургѣ съ мужемъ. Въ то время

*) Кржижевичъ.

Марья Степановна была хорошенъка, веселая и привѣтливая барынька. Черезъ нее или случайно я очень сблизился съ родственниками ея Тарновскими. Анна Николаевна Тарновская была молодая, миловидная и крайне привѣтливая женщина, она подружилась съ Е. К. и лѣтомъ я очень пріятно проводилъ время съ Анною Николаевною, Марьей Степановной и Е. К. Маленькой сыночкъ Тарновскихъ называлъ меня: «Дядя Мися, тра та та». Въ 1843 г. Ульбышевъ прислалъ мнѣ свое сочиненіе о Моцартѣ. Я прочелъ часть этого сочиненія и изучилъ вновь всю оперы Моцарта въ оркестровыхъ партитурахъ. Замѣчанія и критика графа Віельгорского и эти упражненія возвуждали во мнѣ критический духъ, который еще болѣе развился впослѣдствіи.

Лѣтомъ того же года приѣхалъ изъ Москвы знаменитый арфистъ Девитте, юхавшій въ Англію, где онъ скончался въ слѣдующемъ году. Онъ игралъ очень отчетливо и его сочиненія были не дурны. Я безпрестанно видался съ нимъ, то у него, то у Владиславлевыхъ; наконецъ онъ провелъ вечеръ у Тарновскихъ.

Вскорѣ по отѣздѣ его я захворалъ, страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ ввѣрилъ себя Гейденрейху, который вылечилъ меня.

Зимою приѣхали къ намъ Рубини, Тамбурини, Віардо-Гарсіа. Завелся итальянскій театръ: Віардо была превосходна, Тамбурини довольно еще хорошъ, Рубини пѣлъ иногда сносно, иногда же голосъ ему измѣнялъ, что доводило его даже до слезъ.

Междудрочимъ дали *Don Juan* Моцарта; все главныя роли были убиты, только *Zerlina* (Віардо) и *Mazetto* (Артемовскій) прошли отлично. *Don Juan* (Тамбурини) былъ валь и невыносимо оттягивалъ темпъ. Рубини тщился быть громовержцемъ и сладенькую каватину *il mio tesoro* пѣлъ, какъ пирата, грозя публикѣ и потрясая правой рукой. О другихъ умалчиваю, скажу только, что и капельмейстеръ нѣмецъ, а именно Ромбергъ (сынъ знаменитаго Андрея Ромберга), казалось, былъ въ заговорѣ противу Моцарта, котораго мастерское (хотя не образцовое) произведеніе заставилъ оркестръ играть вычурно и безъ энергіи. Публика и даже журналы вооружились противу

гениального *maestro*; ему, а не бездарности и невежеству въ музыку большей части артистовъ, приписывали они неудачу представлениі *Don Juan*. Я плакалъ отъ досады и тогда же возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвуновъ и модную итальянскую музыку.

На вечера у Миши Гедеонова прикомандировался Карлъ Брюловъ, а потомъ и Янинко. Брюловъ провелъ молодость въ Италии и по привычкѣ любилъ итальянскую музыку. Онъ пользовался ложею Гедеонова, что ему было очень понутру; онъ былъ очень скучъ. Наши сходки значительно оживились отъ его посѣщеній, онъ говорилъ умно и оригинально. Бывалъ также у Миши и Несторъ. Въ это же время развились у Гедеоновыхъ, у Степана въ особенности, страсть подражать Рубини, въ чемъ не отставали и мы съ Булгаковымъ. Самаринъ и я въ свою очередь познакомили нашу публику съ выходками Колмыкова и Огинскаго. Можно сказать, что у насъ былъ собственный театръ; однажды даже Булгаковъ и Неваховичъ представляли намъ живые картины, и очень мило и забавно.

Зимою приѣхала матушка съ сестрою Ольгой къ свадьбѣ сестры Елизаветы Ивановны, которая вышла замужъ за директора училища глухо-нѣмыхъ Виктора Ивановича Флѣри. Во время свадьбы матушка чувствовала себя не хорошо, но перемогалась. Нѣсколько дней послѣ того, я былъ дома (въ домѣ Давыдова, матушка съ сестрой Ольгой жила особо) и наслаждался пѣнiemъ моего соловья: онъ вылеталъ изъ клѣтки, которая не запиралась и садился на ёлкѣ, стоявшей посреди моей гостиной, гдѣ пѣлъ, не только не боясь меня и посѣтителей, но еще заминался тѣмъ громче, чѣмъ громче говорили и шумѣли. Позвонили, вошелъ Гейденрейхъ, я повелъ его любоваться моимъ соловьемъ; но онъ тутъ же объявилъ мнѣ, что матушка въ опасности, что у нея карбункуль и что къ завтрашнему дню неизменно нуженъ операторъ. Втайнѣ я съ Флѣри распорядились, какъ нужно было, и на другой день Гейденрейхъ съ операторомъ Саломономъ въ 12 ч. утра явились къ матушкѣ. Операцию произвели удачно; ни матушка, ни сестра не знали объ угрожавшей ей опасности. Первое время матушка нѣсколько страдала отъ боли, но я, оставаясь при ней, занималъ ее разговорами и распросами о ся молодости въ, особенности о томъ,

какъ она выходила замужъ. Сестры ъездили по вечерамъ и вѣселились. Гейденрейху помощницей была та самая дѣвушка, которая жила у сестры Lisette, когда я писалъ «Руслана».

Въ мартѣ матушка отправилась въ деревню, сестра Ольга осталась у Флѣри. Я провожалъ матушку, былъ сильный морозъ и вѣроятно меня прохватило, потому что сейчасъ послѣ того у меня образовались ревматизмы. По отъѣздѣ матушки я до обѣда отъ скучи игралъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить моихъ птицъ. Ихъ было до 16-ти, каждая знала свою клѣтку, а по утрамъ онѣ летали и пѣли. Послѣ обѣда я не рѣдко бывалъ у Флѣри, тамъ для меня топили каминъ и обогрѣвшись я принимался играть въ карты съ дѣтьми Виктора Ивановича (отъ первой жены). Старшая его дочь по имени, А нютѣ, дѣвушка лѣтъ 10-ти, безпрестанно плутовала и я сердился за то.

Матушка еще до отъѣзда рѣшилась отпустить меня за границу, а именно въ Парижъ, гдѣ я еще не былъ. Весна разсѣяла мои ревматизмы и я началъ приготовляться къ пути. Не желая однажды ъхать одинъ, потому что я былъ еще тогда весьма нераспорядителенъ, я упросилъ ъхать со мною Федора Дмитріевича Гедеонова, который долго передъ тѣмъ жилъ въ Парижѣ. Различные хлопоты замедлили нашъ выѣздъ. Между тѣмъ настало лѣто, почти всѣ знакомые разѣхались по да-чамъ, а я, чтобы не соскучиться, ежедневно ходилъ къ Янненкѣ. Мой пансіонскій товарищъ генералъ Астафьевъ пристроилъ Янненку съ семействомъ въ банѣ, принадлежавшей къ дому отца жены своей, Пономарева. Въ этой банѣ было достаточно мѣста для удобнаго помѣщенія семейства Янненки, и такъ какъ съ одной стороны баня эта примыкала къ саду довольно большому, то лѣтомъ тамъ было хорошо. Я послѣ чаю утромъ отправлялся бывало къ Янненкѣ, тамъ былъ уже К. Брюловъ, позже приѣзжали и другие пріятели. Обѣдали и ужинали складчиной. Тогда сняли съ меня маску. Вообще время шло не дурно. Въ іюнѣ все было готово; съ Гедеоновымъ отправлялась въ Парижъ молодая дѣвушка француженка, по имени Adѣle Rossignole. Я былъ у Тарновскихъ, гдѣ были Е. К. и Марья Степановна; моя коляска подѣхала за мною, я распостился съ барынями, заѣхалъ за Гедеоновымъ и Аделью и мы отправились въ путь.

Незадолго до отъезда, а именно въ день моего ангела 21 мая, дочь ministra Блудова прислала мнѣ статью Henry Merimée (двоюродного брата Проспера Merimée). Эта статья меня обрадовала; ни одинъ изъ моихъ соотечественниковъ не отзывался до тѣхъ поръ обо мнѣ въ такихъ лестныхъ выраженияхъ *).

Вотъ главное содержаніе этой статьи:

«La vie pour le Tzar de M-r Glinka est d'une originalité précieuse, leur première oeuvre d'art qui n'ait rien imité. La science y revet une forme si naïve et si populaire. C'est comme poème et musique, un resumé si fidèle de tout ce que la Russie a souffert et chanté, elle y retrouve si bien ses haines et ses amours, ses larmes et ses joies, sa nuit profonde et son aurore radieuse, c'est d'abord une si douloureuse plainte, puis une hymne de redemptions si fière et si triomphante que le dernier paysan transporté de son Izba au théâtre serait touché jusqu'au fond du coeur. C'est plus qu'un opéra, c'est une épopee nationale, c'est le drame lyrique rendu à la noblesse de sa destination primitive, alors qu'il n'était pas un amusement frivole, mais une solemnité patriotique et religieuse. Bien qu'étranger je n'ai jamais assisté à ce spectacle sans une vive et sympathique émotion».

(Une année en Russie, lettres écrites de Moscou en 1840, publiées par la Revue de Paris en Mars 1844) **).

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. С. ПОТЕМКИНЬ ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(Материалы для исторіи Пугачевского бунта).

Изъ бумагъ, собранныхъ мною по исторіи пугачевщины нѣсколько лѣтъ тому назадъ были напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ: ***)
1) бумаги Кара и Бибикова, и 2) часть переписки императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. Малое распространение академического изданія было причиной, что большая часть лицъ, которые послѣ того писали объ этой эпохѣ, не воспользовались поминутными документами. Содержаніе ихъ не было принято въ свѣдѣнію даже при второмъ изданіи „Записокъ о жизни и службѣ А. И. Биби-

*) «Это—magnifique. Ты не такъ выразился; это не лесть, а суцкя правда». Примѣчаніе Куволькина.

**) Внизу страницы рукою Глинки отмѣчено: «Кончено 10 декабря 1854 года».

***) Т. I и III.